Просмотрено 1953 г.

22

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 34

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1913.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

8166

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

9147
К26
8166/34

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 34.

А. Н. Бенуа. Въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ.

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1913.

Каталог

ПРОВЕРКА 1950

1-й Лен. Гос. Пед. Ин-т БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А.А.ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913.

Научная б-ка им. Горького при МГУ

ажа по цене выше обозначенной
карается по закону

стема мер

Меры веса

онна (*т*) = 1000 килограммов (*кг*)
ентнер (*ц*) = 100 килограммам (*кг*)
илограмм (*кг*) = 1000 граммов (*г*)
рамм (*г*) = 1000 миллиграммов (*мг*)

Меры объема

уб. метр (*куб. м*) = 1000 кубических
ециметров = 1 000 000 *куб. см*
уб. дециметр (*куб. дм*) = 1000 куб.
нтиметров (*куб. см*)
итр (*л*) = 1 куб. дециметру (*куб. дм*)
ектолитр (*гл*) = 100 литрам (*л*)

жения

5628

2
4819-34

Въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ.

(Къ картинѣ А. Н. Бенуа).

Передъ нами аллея Лѣтняго сада въ Петербургѣ петровскихъ временъ. Гостепріимный адмиралъ Петръ Михайловъ сегодня задалъ пиръ своимъ «камрадамъ» по службѣ, надо думать, по случаю памятованія какого либо событія: можетъ быть, Полтавской викторіи, день которой совпадалъ почти и съ именинами государя, что только удлиняло время празднествъ. «Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ» идетъ онъ по аллеѣ сада. День жаркій, и царь Петръ, обыкновенно не очень стѣснявшійся въ костюмѣ и манерахъ и любившій по улицѣ ходить съ непокрытой головой, на этотъ разъ, въ саду, снялъ даже и парикъ: если бы стало очень жарко, царь не задумался бы снять и кафтанъ. Онъ одѣвался, какъ извѣстно, очень просто и крайне невзыскателенъ былъ на одежду. За всю жизнь, какъ по крайней мѣрѣ, отмѣчаютъ современники, сдѣлалъ онъ себѣ только два парадныхъ кафтана: одинъ голубой, шитый серебромъ, а другой «дикій» съ золотымъ шитьемъ. И, должно быть, правда это были исключительные случаи, если современники нашли нужнымъ отмѣтить такую мелочь. Обыкновенной одеждой царя былъ мундиръ полковника Преображенскаго полка или простой кафтанъ темнаго цвѣта—коричневаго или сѣраго. Чулки и башмаки его частенько носили на себѣ слѣды починки, галстукъ у него всегда былъ простой военнаго образца, а обычныхъ для франтовъ того времени кружевныхъ манжетъ онъ не любилъ, какъ мѣшавшихъ работѣ, и никогда не носилъ. Царь Петръ рано облысѣлъ: тогда принято было носить парики огромные, съ завитыми локонами, осыпанные пудрой, т. н. аллонжевые парики. Петръ не любилъ этихъ париковъ и носилъ короткіе, сдѣланные изъ его собственныхъ волосъ, которые бережно собирались для «перукмахера» послѣ

каждаго «полегченья главы», т.-е. стрижки. Голова у царя иногда зябла, и тогда онъ безъ церемоніи снималъ роскошный парикъ съ Меншикова или Толстого и надѣвалъ себѣ на голову, не возвращая хозяину до тѣхъ поръ, пока головѣ не станетъ тепло; въ Данцигѣ онъ такимъ образомъ воспользовался парикомъ бургомистра, когда озябъ въ соборѣ, слушая внимательно проповѣдь пастора.

Въ обществѣ царь Петръ обыкновенно былъ веселъ, обходителенъ, разговорчивъ и бесѣду любилъ веселую, непринужденную, умную, онъ очень не одобрялъ ссоръ и заносчивости среди своихъ гостей и виновнаго въ нарушеніи пріятельской бесѣды, того, кто «лишнее вралъ и другихъ задиралъ», заставлялъ всегда пить штрафъ—кубка три-четыре вина, или одного «орла»—большой ковшъ такой же вмѣстимости. Говорятъ, что Петръ, хмелѣвшій очень медленно, любилъ подпоить своихъ сотрапезниковъ и прислушиваться къ тому вздору, перемѣшанному съ правдой, который часто несутъ подвыпившіе люди, обнажая нечаянно свои сокровенныя мысли и мечты о себѣ и другихъ.

Участники товарищескихъ бесѣдъ Петра съ его сотрудниками увѣряютъ почти единогласно, что съ Петромъ въ роли гостепріимнаго хозяина чувствовалось легко и непринужденно. Корабельные мастера и офицеры должны были обращаться къ Петру, какъ къ своему сослуживцу, и именовать его въ обращеніи не «ваше величество» а Myn Her Schaut-by-Nacht *), или впослѣдствіи Myn Her Vice-admiral, чины же военные сухопутные должны были называть его по сухопутному чину: это обстоятельство при томъ условіи, когда всѣ знали, что свои чины Петръ получилъ за дѣйствительную, а не показную службу, очень облегчало общеніе съ Петромъ его подданныхъ и подчиненныхъ: простые офицеры и корабельные мастера, подогрѣтые парами Бахуса, чокались съ царемъ-адмираломъ или генераломъ, запросто съ нимъ обнимались, клялись ему въ своей любви и усердіи, а онъ имъ платилъ такими же выраженіями признательности. Но, чуткій къ правдѣ и не терпѣвшій лжи, Петръ не любилъ, когда эти признанія начинали походить на лесть. Одинъ офицеръ, подвыпивъ, сталъ приставать къ царю, чтобы онъ повелѣлъ ему умереть, свидѣтельствуя «паролемъ офицера», что для него

---

*) Schaut-by-Nacht—чинъ во флотѣ, соотвѣтствующій нынѣшнему контръ-адмиральскому.

счастье умереть на глазахъ монарха: пусть только скажетъ. Петръ долго слушалъ, потомъ взялъ руку собесѣдника, поднесъ къ пылавшимъ канделябрамъ и сталъ жечь палецъ офицера. Тотъ, мгновенно отрезвившись, завопилъ отъ боли и сталъ выдергивать руку, крѣпко сжатую царемъ. «Вотъ, видишь,—сказалъ ему тогда царь,—единаго пальца погубить безъ толку жаль, а ты говорилъ, что жизнь готовъ положить ни за что только по приказу. Не надо врать лишняго». Въ молодости Петра бывали случаи, когда онъ, при вспыльчивости своего характера, развертывался во всю необузданную ширь своей натуры и, обнаживъ шпагу, кидался на собесѣдника, котораго считалъ виноватымъ въ чемъ-либо, но къ зрѣлому возрасту такія вспышки бывали рѣдки и, разсердившись и зная свою тяжелую руку, Петръ обыкновенно убѣгалъ изъ залы, поставивъ солдата съ ружьемъ къ дверямъ, чтобы испуганные его гнѣвомъ гости не вздумали разойтись. Успокоенный Екатериной, умѣвшей это дѣлать какъ никто, онъ возвращался скоро, и пиръ продолжался, какъ будто ничего не случилось.

Содержаніе бесѣдъ Петра съ его гостями было довольно разнообразное: говорили о Библіи, о мощахъ, о безбожникахъ, о народныхъ суевѣріяхъ, о Карлѣ XII, о заграничныхъ порядкахъ. Иногда среди собесѣдниковъ заходила рѣчь и о предметахъ болѣе имъ близкихъ, практическихъ, о началѣ и значеніи того дѣла, которое они дѣлали, о планахъ будущаго, о томъ, что имъ предстоитъ еще сдѣлать.

Къ 1720-мъ годамъ Лѣтній садъ былъ любимымъ мѣстомъ собраній и пирушекъ, которыя любилъ устраивать царь Петръ, когда потѣхѣ не мѣшали дѣла. Нынѣшній Лѣтній садъ—небольшой остатокъ того, что было. Лѣтній садъ петровскихъ временъ занималъ все пространство между Мойкой и Фонтанкой отъ Невы до Невскаго проспекта.

По описанію современника-иностранца, «садъ этотъ имѣетъ продолговатую форму; съ восточной стороны къ нему примыкаетъ лѣтній дворецъ царя, съ южной—оранжерея, съ западной—большой красивый лугъ, на которомъ при всѣхъ празднествахъ стоитъ въ строю гвардія, а съ сѣверной онъ омывается Невою, въ этомъ мѣстѣ довольно широкою.

«Разскажу по порядку все, что тамъ есть замѣчательнаго. Съ сѣверной стороны, у воды, стоятъ три длинныя открытыя галлереи, изъ которыхъ длиннѣйшая средняя, гдѣ всегда при

большихъ торжествахъ, пока еще не начинались танцы, ставится столъ со сластями. Въ обѣихъ другихъ помѣщаются только столы съ холоднымъ кушаньемъ, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардіи. Въ средней галлереѣ находится мраморная статуя Венеры, которою царь до того дорожитъ, что приказываетъ ставить къ ней для охраненія часового. Она, въ самомъ дѣлѣ, превосходна, хотя и попорчена немного отъ долгаго лежанія въ землѣ. Противъ этой галлереи аллея—самая широкая во всемъ саду; въ ней устроены красивые фонтаны, бьющіе довольно высоко. Вода для нихъ проводится въ бассейны изъ канала, съ помощью большой колесной машины. У перваго фонтана—мѣсто, гдѣ обыкновенно царица бываетъ съ своими дамами, а далѣе, у другого, стоятъ три или четыре стола, за которыми пьютъ и курятъ табакъ,—это мѣсто царя.

«Вправо отъ этой круглой и раздѣленной четырьмя аллеями площадки съ одной стороны стоитъ прекрасная статуя съ покрытымъ лицомъ, у подножія которой течетъ или, лучше сказать, бьетъ вода со всѣхъ концовъ, а съ другой—находится большой птичникъ, гдѣ многія птицы частью свободно расхаживаютъ, частью заперты въ размѣщенныхъ вокругъ него небольшихъ клѣткахъ. Тамъ есть орлы, черные аисты, журавли и многія другія рѣдкія птицы. Тутъ же содержатся, впрочемъ, и нѣкоторыя четвероногія животныя, какъ, напримѣръ, очень большой ежъ, имѣющій множество черныхъ и бѣлыхъ иглъ до 11 дюймовъ длиною. Кромѣ того, тамъ есть еще синяя лисица, нѣсколько соболей и проч. Въ высокомъ домикѣ съ восточной стороны множество прекрасныхъ и рѣдкихъ голубей.

«На другой сторонѣ фонтана, противъ упомянутой статуи, устроена въ кущѣ деревьевъ небольшая бесѣдка, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, гдѣ обыкновенно проводитъ время царь, когда желаетъ быть одинъ. На водѣ плаваетъ здѣсь большое количество самыхъ рѣдкихъ утокъ и гусей, которые до того ручны, что позволяютъ кормить себя изъ рукъ. По берегу, вокругъ, разставлены маленькіе домики, куда ихъ, вѣроятно, запираютъ на ночь. Здѣсь же красуется вполнѣ снаряженный корабликъ, на которомъ иногда потѣшается карла царя.

«Противъ большого птичника устроенъ еще въ видѣ водопада красиво вызолоченный мраморный фонтанъ, украшенный многими позолоченными сосудами. Это мѣсто, гдѣ находится также

и оранжерея, безспорно, одно изъ лучшихъ въ саду; все оно обсажено кустарникомъ и окружено рѣшеткою, которая запирается.

«Далѣе отсюда, вправо, стоитъ большая, сплетенная изъ стальной проволоки, клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летаютъ и садятся на посаженныя внутри ея деревца. Еще далѣе, налѣво, строится новый гротъ, который снаружи уже почти совсѣмъ готовъ, но внутри не сдѣлано еще и половины того, что предположено сдѣлать. Онъ будетъ очень красивъ и великолѣпенъ, потому что для покрытія его стѣнъ и потолка назначается безчисленное множество разныхъ превосходныхъ раковинъ, пріобрѣтеніе которыхъ стоило большихъ издержекъ.

«Кромѣ того, въ этомъ саду находится пріятная рощица, и устроено еще нѣсколько фонтановъ; однимъ словомъ, тамъ есть все, чего только можно желать для увеселительнаго сада. Особенно украшаютъ его драгоцѣнные мраморные фонтаны и находящаяся между ними статуя Венеры, которой будто бы 2.000 лѣтъ и которая, какъ говорятъ, куплена у папы за 3.000 скуди».

Въ Лѣтнемъ саду торжественно праздновался день именинъ царя и предшествовавшій имъ день «преславной викторіи». Праздникъ начинался около пяти часовъ вечера послѣ обѣда; къ этому времени на обширной лужайкѣ сада—на Царицыномъ лугу—выстраивались Преображенскій и Семеновскій полки; царь угощалъ солдатъ, поднося имъ собственноручно въ деревянныхъ чашкахъ вино и пиво.

Въ саду у одного изъ фонтановъ помѣщалась царица со всей царской фамиліей и дамами двора. Въ галлереяхъ сада ставили столы съ фруктами и сладостями. Царь и гости подходили время отъ времени къ угощеніямъ и брали, что кому нравилось. Къ вечеру, когда дѣло подходило къ ужину, столы уставлялись холодными кушаньями, и появлялось въ изобиліи вино. Ворота сада запирались, часовымъ отдавалось приказаніе никого не выпускать, и на главную аллею выступала процессія: рослые гренадеры гвардіи несли ушаты простой хлѣбной водки; за солдатами шли майоры гвардіи и предлагали всѣмъ выпить по большой чаркѣ за здоровье ихъ полковника; отъ этой обязательной чарки не избавляли никого, даже дамы должны были выпить, а тѣхъ, кто упирался, поили насильно, и

подъ веселую руку лили иному упрямцу вино на голову, пока онъ не согласится выпить; въ открытой галлереѣ на берегу Невы начинались танцы, на лугу тысячами разноцвѣтныхъ огней, съ трескомъ и шумомъ ракетъ и римскихъ свѣчей разгорался блестящій фейерверкъ, всегда искусно составленный самимъ царемъ, очень любившимъ эту огненную потѣху.

27-го іюня, въ день празднованія «преславной викторіи», утромъ совершалось богослуженіе на площади передъ Троицкой церковью. Здѣсь ставили огромную палатку съ походнымъ алтаремъ; поодаль отъ алтаря стоялъ царь Петръ, одѣтый такъ, какъ былъ во время самой баталіи: въ полковничьемъ кафтанѣ съ красными отворотами, съ кожаной черной портупеей черезъ плечо, въ зеленыхъ чулкахъ, въ старыхъ башмакахъ, съ «партазаномъ» *) въ рукахъ и старой прострѣленной въ бою шляпой подъ мышкой. Вечеромъ было всегда пированье въ Лѣтнемъ саду.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Петра въ его «парадизѣ» было катанье по Невѣ, которое было организовано по указу и должно было происходить по особому регламенту. Жителямъ Петербурга «для увеселенія народа, наипаче же для лучшаго обученія и искусства хожденія по водамъ и смѣлости въ плаваніи», розданы были безденежно изъ казны парусныя и гребныя суда. Въ опредѣленные дни въ разныхъ мѣстахъ города вывѣшивались особые сигнальные флаги, а на флагштокѣ крѣпости взвивался морской штандартъ; для жителей тогдашняго Петербурга это значило, что ихъ приглашаютъ выѣзжать на своихъ судахъ на Неву къ крѣпости, и кто не являлся, тотъ платилъ штрафъ. Собраніе этихъ судовъ называлось невскимъ флотомъ, а командующій надъ нимъ невскимъ адмираломъ. Царь бывалъ на мѣстѣ на своемъ буэрѣ или шнявѣ, т.-е. яхтѣ, одинъ изъ первыхъ.

«Подъѣхавъ къ рѣкѣ,—разсказываетъ очевидецъ и участникъ одного такого катанья,—мы увидѣли, что всѣ ушли уже довольно далеко, почему велѣли грести сильнѣе, и скоро догнали флотилію. Впереди ея плылъ адмиралъ *маленькаго флота*, который составляютъ всѣ упомянутыя небольшія суда, имѣвшій на своемъ суднѣ для отличія большой флагъ. Прочія суда должны слѣдовать за нимъ и не имѣютъ права обгонять его.

---

*) Протазанъ — офицерская аллебарда, родъ рогатины на длинномъ древкѣ.

«Царь ѣхалъ недалеко позади, на баркѣ царицы; онъ стоялъ у руля, а царица съ обѣими принцессами, своими дамами и камеръ-юнкерами сидѣла въ каютѣ. Проплывъ довольно далеко, адмиралъ поворотилъ назадъ, а всѣ, слѣдовавшіе за нимъ, остановились и выждали, пока онъ не прошелъ мимо.

«Чудный видъ представляла наша флотилія, состоявшая изъ 50 или 60 барокъ и вереекъ, на которыхъ всѣ гребцы были въ бѣлыхъ рубашкахъ (на баркахъ ихъ было по 12 человѣкъ, а въ самыхъ маленькихъ верейкахъ не менѣе 4). Удовольствіе отъ этой прогулки увеличивалось еще тѣмъ, что почти всѣ вельможи имѣли съ собою музыку: звуки множества волторнъ и трубъ безпрестанно оглашали воздухъ.

«Мы спустились до самаго Екатерингофа, куда пріѣхали очень скоро, потому что плыли по теченію рѣки, да и, кромѣ того, водою туда отъ города не болѣе четырехъ верстъ.

«По пріѣздѣ въ Екатерингофъ мы вошли въ небольшую гавань, въ которую едва ли могутъ свободно пройти два судна рядомъ. Все общество по выходѣ на берегъ отправилось въ находящуюся предъ домомъ рощицу, гдѣ былъ накрытъ большой длинный столъ, установленный холодными кушаньями, за который однакожъ порядочно долго не садились: царь и нѣкоторые другіе ходили взадъ и впередъ и по временамъ брали что-нибудь изъ поставленныхъ на немъ плодовъ. Царица была такъ милостива, что собственноручно подала каждому изъ нашей свиты по стакану превосходнаго венгерскаго вина.

«Такъ какъ царь разговаривалъ съ своими приближенными, а другія царственныя особы сидѣли довольно смирно, то Ягужинскій, замѣтивъ, что они со вниманіемъ слушаютъ трубачей, игравшихъ въ рощѣ, подошелъ и сказалъ царицѣ, что у герцога Голштинскаго есть два волторниста, которымъ едва ли найдутся подобные. Ея величество пожелала ихъ слышать; они явились и превосходно сыграли нѣсколько пьесъ. Царица и принцессы слушали съ большимъ вниманіемъ и восхищались ихъ игрою.

«Между тѣмъ стало уже становиться довольно поздно. Ея величество встала, чтобы напомнить царю, что пора ѣхать назадъ, и въ это время незамѣтно вручила камеръ-юнкеру Монсу двѣнадцать червонцевъ для передачи волторнистамъ.

«Назадъ мы поѣхали совсѣмъ иначе—черезъ каналъ, и вошли въ рѣку только позади Лѣтняго дворца царицы. Было уже

темно, и вода стояла совершенно спокойно. Передъ окнами принцессъ мы велѣли гребцамъ остановиться, и волторнисты сыграли прекрасный поктюрнъ. Послѣ того мы отправились домой».

У Петра была страсть къ торжественнымъ шествіямъ, аллегорическимъ процессіямъ и маскарадамъ, и онъ старался устраивать все это при всякомъ удобномъ случаѣ, мало справляясь охотно или неохотно примутъ участіе въ томъ, что ему весело, другіе. Въ 1714 году шутовской кокуйскій патріархъ Никита Моисеевъ Зотовъ, окончательно спившійся съ кругу старикъ-учитель царя, вздумалъ жениться.

Петръ сначала былъ противъ этого брака, но потомъ уступилъ капризу полусумасшедшаго старика и рѣшилъ отпраздновать свадьбу всешутѣйшаго съ особымъ блескомъ. Торжество происходило въ началѣ 1715 г. Всѣ приглашенные должны были явиться въ маскарадныхъ костюмахъ, составленъ былъ шутовской списокъ, кого приглашать на свадьбу; тамъ было приказано «назвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, не торопясь, того, кто фамиліей своей гораздо старѣе чорта», или «того не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріискивалъ, да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ ли онъ и то сыскать, куда онъ устремляется и куда гости призываются» и т. д. Четверо величайшихъ заикъ должны были ходить по домамъ и говорить эти приглашенія; не принять ихъ было нельзя—грозилъ гнѣвъ царя.

Эта потѣшная свадьба такъ понравилась Петру, что онъ сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ—повѣнчалъ карлика на карлицѣ, при чемъ всѣ гости были карлики, а когда всешутѣйшій умеръ, выдалъ его вдову замужъ за шута же—князь-папу Бутурлина. На этотъ разъ упирался отъ свадьбы князь-папа и настаивалъ царь. Цѣлый годъ съ большими потѣхами и курьезными выходками шла эта борьба, и князь-папа долженъ былъ уступить.

Въ день его свадьбы, по выстрѣлу съ крѣпости изъ сигнальной пушки, всѣ приглашенные должны были собраться у церкви св. Троицы въ маскахъ и нарядахъ, но пока скрытыми подъ плащами. Сигналъ послѣдовалъ въ 8 часовъ утра, «и мы,—разсказываетъ участникъ-очевидецъ,—отправились на баркѣ къ сборному мѣсту. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи съ изобра-

женіемъ чернаго двухглаваго орла), но и палили въ знакъ торжества изъ пушекъ. Между тѣмъ всѣ маски въ плащахъ съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершалось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ. Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ царь, какъ было условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ корабельнаго барабанщика, и ужъ, конечно, не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности); всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 1.000 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить по большой площади процессіей по порядку нумеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, голландскимъ матросомъ или французскимъ крестьяниномъ, былъ въ то же время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ перевязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арапами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, одѣтые, какъ его величество.

«Самыми странными были князь-папа и коллегія кардиналовъ въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ называемый князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ со многими церемоніями избирается другой отчаянный гуляка. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ, слишкомъ распространившійся между его подданными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многіе губернаторы и другіе са-

новники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми менѣе ихъ знатными и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ разсказываютъ, не щадитъ никого и у себя. По его приказанію, ежегодно, въ извѣстный день, князь-папа съ своими кардиналами ѣздитъ по всему городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ или ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей или козловъ. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую, скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячески заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старые грубые предразсудки. Я, было, забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь-папа для прислуги имѣетъ 10 или 12 человѣкъ, тщательно набираемыхъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить, какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ притомъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегіи во время празднествъ и имѣютъ свой особенный смѣшной костюмъ. Но возвращаюсь къ маскараду.

«Огромный французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты, какъ маленькія дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные стариками съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмѣ прежнихъ бояръ, т.-е. имѣли длинныя бороды, высокія соболья шапки и парчевые кафтаны подъ шелковыми охобнями и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ.

«Погулявъ при стеченіи тысячъ народа часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски въ томъ же порядкѣ отправились въ зданіе коллегій, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, старуха лѣтъ 60, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами; онъ—съ царемъ и господами кардиналами, а она—съ дамами.

«Вечеромъ всѣ дома въ городѣ были иллюминованы, и царь приказалъ, чтобъ это продолжалось во все время маскарада. Особенно красивы были со стороны рѣки царскій дворецъ и садъ.

«11-го, послѣ обѣда, всѣ маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новобрач-

ныхъ черезъ рѣку въ Почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать другой день свадьбы. Всѣ въ томъ же порядкѣ,какъ наканунѣ, отправились въ особенный домъ князя-папы, гдѣ онъ стоялъ у дверей и по-своему привѣтствовалъ каждаго гостя, потомъ сѣли на суда и переѣхали, подъ разную музыку и при пушечной пальбѣ въ крѣпости и адмиралтействѣ, на другую сторону рѣки, въ Почтовый домъ, назначенный для угощенія. Машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, была особеннаго, страннаго изобрѣтенія. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, составляли шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены посреднѣ еще бочки поменьше или ушаты, на которыхъ сидѣли верхомъ кардиналы, крѣпко привязанные, чтобъ не могли упасть въ воду. Въ этомъ видѣ они плыли одинъ за другимъ, какъ гуси. Передъ ними ѣхалъ большой пивной котелъ съ широкимъ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держался на водѣ, и привязанный канатами и веревками къ заднимъ бочкамъ, на которыхъ сидѣли кардиналы. Въ этомъ-то котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа въ большой деревянной чашѣ, какъ въ лодкѣ, такъ что видна была почти одна только его голова. И онъ и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзанное изъ дерева, морское чудовище, и на немъ сидѣлъ верхомъ Нептунъ съ своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, не мало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, при чемъ кардиналы производили шумъ коровьими рогами, въ которые должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣсколько человѣкъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что онъ страшно сердился на его величество, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пивѣ по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ Почтовый домъ, гдѣ и пировали до поздняго вечера.

«12-го, послѣ обѣда, маски опять собрались у Почтоваго дома, откуда поѣхали кататься на разныхъ судахъ, изъ которыхъ многія могли вмѣстить до ста человѣкъ и были снабжены большими русскими качелями, такъ что во время плаванія всякій, кто имѣлъ охоту, могъ качаться. Князь-папа и кардиналы ѣздили на той же машинѣ, на которой вчера переправлялись черезъ рѣку. Въ этомъ порядкѣ всѣ маски отправились къ князю Меншикову, который угощалъ ихъ въ своемъ саду. Тамъ оставались до вечера, когда, наконецъ, всякій могъ свободно ѣхать домой. 13-го былъ роздыхъ, и маски опять собирались послѣ обѣда на другой сторонѣ рѣки, но скоро разошлись, проѣхавъ только внизъ до дому Головкина».

Маскарадъ продолжался еще четыре дня; длился онъ такимъ образомъ восемь дней, и хотя были два роздыха, но никто, подъ страхомъ штрафа въ 50 руб., не смѣлъ все это время ходить иначе, какъ въ маскѣ. Нечего и говорить, какъ облегченно вздохнули всѣ, покончивъ такое веселье.

Тяжелое удовольствіе были эти петровскіе маскарады по указу! Участвовать въ маскарадѣ должны были, напримѣръ, по составленному въ канцеляріи списку люди семейные, у которыхъ были въ домѣ больные, назначались чиновники, которымъ не хватало времени отбывать службу и безъ праздниковъ, назначались лица, жившія въ другихъ городахъ; можно себѣ представить, съ какой охотой ѣхали толпиться въ ненавистномъ маскарадѣ эти весельчаки по указу, но ѣхали, надѣвали маски и костюмы и продѣлывали все, что заставлялъ ихъ дѣлать царь, одѣтый голландцемъ и изъ всѣхъ силъ барабанившій въ старый барабанъ.

Гулянье въ Лѣтнемъ саду и другія празднества происходили при точномъ соблюденіи изданныхъ въ 1718 году правилъ о томъ, какъ слѣдуетъ устраивать ассамблеи. Въ этихъ правилахъ было сказано, что «ассамблея — слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно; обстоятельно сказать — вольное въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается и не только для забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также и слышать, что гдѣ дѣлается, притомъ же и забава. А какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, опредѣляется ниже сего пунктомъ, *покамѣстъ въ обычай не войдетъ*:

«Въ которомъ домѣ ассамблея имѣетъ быть, то надлежитъ

письмомъ или инымъ знакомъ объявить людямъ куда вольно, всякому притти, какъ мужскому, такъ и женскому.

«Ранѣе пяти или четырехъ не начинается, а долѣе десяти пополудни не продолжается.

«Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни подчивать и не точію вышеописанное не повиненъ чинить, но хотя и дома не случится ничего; но только повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье, употребляемое въ жажду, кто просить, игры, на столахъ употребляемыя (приготовить).

«Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть сколько кто хочетъ и отъѣзжать волень, когда хочетъ.

«Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодить или унимать, также церемонія дѣлать вставаніемъ, провожаніемъ и прочимъ, отнюдь да не дерзаетъ подъ штрафомъ, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ почтить поклономъ должно.

«Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ, разумѣется, и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

«Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ».

Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами безъ соблюденія какой-либо очереди. Обыкновенно, самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должна быть первая ассамблея, а затѣмъ дальнѣйшее ихъ назначеніе зависѣло: въ Петербургѣ — отъ оберъ-полицеймейстера, въ Москвѣ — отъ коменданта. Прежде, чѣмъ гости расходились съ одной ассамблеи, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы, которые открывали хозяинъ или хозяйка, или кто-нибудь изъ домашнихъ. Такъ какъ на ассамблеяхъ царило полное равенство, то каждый могъ пригласить на танецъ не только самую знатную даму или дѣвицу, но и государыню и и царевенъ. Въ Петербургѣ ассамблеи, согласно указу, оканчивались къ 10 часамъ.

Взявшись распоряжаться танцами, Петръ иногда пускался въ тяжелыя, неуклюжія шутки: становилъ въ ряды танцующихъ

самыхъ дряхлыхъ стариковъ, и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ восемь или девять паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами тоже самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ въ танцахъ оказывался большимъ затѣйникомъ и мастеромъ своего дѣла. Берхгольцъ разсказывалъ, что царь выдѣлывалъ такія «капріоли», которыя составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени, а между тѣмъ набранные имъ старые танцоры насилу двигали ноги. «Царь съ свойственною ему настойчивостью принялся обучать танцоровъ и объявилъ имъ, что выучитъ ихъ скоро. Какъ ни бился однако государь, дѣло не шло на ладъ: ученики его чуть держались на ногахъ, а царь прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Старики путались, задыхались, кряхтѣли, у нѣкоторыхъ кружились головы, другими овладѣвали припадки, одышки, нѣкоторые не выдержали и повалились на полъ, другіе присѣли на корточки; Петръ разсердился, приказалъ прекратить музыку и заставилъ каждаго изъ неудачныхъ танцоровъ выпить по большому штрафному бокалу крѣпкаго венгерскаго. Отпустивъ послѣ этого старпковъ, онъ началъ танцовать съ молодыми новый, имъ самимъ придуманный, трудный и замысловатый «цѣпной» танецъ — Kettentanz.

Впрочемъ, царь не всегда былъ такъ любезенъ и веселъ. Берхгольцъ разсказываетъ, что однажды Петръ пріѣхалъ на ассамблею къ князю Меншикову въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Вмѣсто того, чтобы танцовать, онъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, и такъ сильно трясъ головой и подергивалъ плечами, что нагонялъ на присутствовавшихъ страхъ и трепетъ; поэтому всѣ были очень довольны, когда онъ въ десять часовъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь.

Самымъ тяжелымъ на Петровскихъ ассамблеяхъ было то безмѣрное питіе, какое процвѣтало среди приближенныхъ Петра, и которому онъ самъ покровительствовалъ, никогда не отказываясь отъ добраго стакана венгерскаго.

На ассамблеи допускались шуты съ ихъ кривляніями, плевками другъ въ друга, звонкими оплеухами. Петру нравились эти грубыя потѣхи предковъ, и онъ самъ организовалъ цѣлую шутовскую коллегію, извѣстный «всешутѣйшій и всешумнѣйшій соборъ», состоявшій изъ горькихъ пьянчужекъ и идіотовъ. И въ своихъ шуткахъ Петръ бывалъ очень грубъ и тяжелъ. Когда за обѣдомъ подавали желе, то царь бралъ цѣлое блюдо, установленное фор-

мочками съ этимъ кушаньемъ и шелъ къ одному гостю, большому любителю этого лакомства. Царь приказывалъ сластенѣ открыть ротъ во всю ширину и, отдѣливъ потомъ содержимое формочки отъ ея стѣнокъ, собственноручно вливалъ лакомкѣ въ горло, повторяя это нѣсколько разъ и грозно приказывая, когда тотъ недостаточно широко разѣвалъ ротъ.

Во время ассамблеи царь Петръ ходилъ обыкновенно взадъ и впередъ по залѣ, присаживался къ какой-нибудь компаніи и вступалъ въ общій разговоръ. Когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, то не было человѣка веселѣе, добродушнѣе и разговорчивѣе, онъ тогда шутилъ, смѣялся и велъ себя какъ ребенокъ: увидитъ человѣка, который при танцахъ вертитъ особенно усердно, но безъ толку, руками и ногами; и самъ примется, сидя, карикатурно повторять эти движенія; общій смѣхъ подзадоритъ его, онъ встанетъ тогда и уже на глазахъ у всѣхъ передразнитъ неловкаго танцора.

Ассамблеи, общественныя собранія, маскарады, торжественные обѣды,празднества въ честь славныхъ событій царствованія, заведенныя Петромъ Великимъ имѣли огромное воспитательное значеніе для того времени, создавали самую общественную жизнь, пріучали людей быть и веселиться вмѣстѣ. Это было ясно для людей ближайшаго по времени къ петровской эпохѣ поколѣнія.

«Петръ Великій, — разсказываетъ князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», — подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и людскость, сообщеніе и великолѣпіе... Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кафтаны носить, а женщинъ вмѣсто тѣлогрѣй — бостроги, юбки, шлафроки и самары, вмѣсто подколковъ — фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до того отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ»...

5628

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

1-й Лен. Гос. Пед. ин-т
БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

Новая цена
Руб. — коп. 08

Такъ незамѣтно у царя Петра изъ потѣхи вытекало большое дѣло, создавались «людскость и политесъ» въ замкнутомъ и разъединенномъ русскомъ обществѣ, какимъ оно было въ московскія времена.

Пособіемъ служили: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. 17 и 18: *С. Н. Шубинскій*, Историческіе очерки; *М. Пыляевъ*, Старый Петербургъ; *В. О. Ключевскій*, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ; *Берхгольцъ*, Дневникъ: *Юстъ-Юль*, Записки и др.

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: *„Баскаки“* и *„Дворъ удѣльнаго князя“*.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, *„Смута“* и *„Расколъ церкви“*. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-34

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, [illegible] ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указы[illegible] реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуем[illegible] какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавори[illegible] посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — *„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1864 1894

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Москва.